

РИТУАЛЬНЫЕ КОСТРЫ В ТРАДИЦИОННОЙ ОБРЯДОВОЙ ПРАКТИКЕ БЕЛОРУСОВ: СЕМАНТИЧЕСКИЕ И СТРУКТУРНО- ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

О. В. Котович,

*старший преподаватель кафедры режиссуры обрядов и праздников
Белорусского государственного университета культуры и искусств*

Если формализовать морфологию календарных и семейно-родовых праздников, а также создать универсальную матрицу обряда, то станет понятным, что одно из важнейших мест (или обрядовых функций) будет принадлежать ключевому ритуальному атрибуту, вокруг которого зачастую и разворачивается сакрально-магическое действие, фактически воспроизводившее некоторый фрагмент изначального акта первотворения мира.

В центре нашего внимания – ритуальный костер, важнейшая функция которого в традиционных обрядовых практиках славянских народов, на наш взгляд, – выполнять роль источника разных форм бытия или его успешного перевоплощения: когда одно жизненное состояние трансформируется в другое, при этом принципиальные изменения происходят и с формой, в которой было воплощено предыдущее содержание. Эта трансформация сродни процессу фотосинтеза, в котором солнечное тепло и свет способствуют превращению зерна в росток, стебель, колос и в завершение – перерождением всех этих промежуточных форм в прошлое или изначальное содержание и форму.

Использование огня обрядовой практики сводилось преимущественно к упразднению, утилизации изживших себя форм, состояний, энергий и стимулирования социума к созданию новых объектов бытия. Годовой цикл природного состояния, в котором происходит зарождение жизни, ее становление, старение и умирание, целиком и полностью повторяется в жизненном цикле человека, и в подавляющем большинстве артефактов человеческой культуры.

В последнем случае огонь выступает той природной стихией, которая транслируется на сферу человеческого бытия и его предметно-вещевой мир сакральных практик. При этом его следует рассматривать в двух планах обрядового хронотопа. С одной стороны, костер является определенной формой воплощения обрядовых событий, то есть вокруг него закручивается ход сакральных действий, он становится обрядовым эпицентром этнокультурной практики социума. С другой стороны, подготовка самого костра воспринимается участниками обрядовой практики сакральным актом космического миротворения в пространственно-временных координатах существования данного социума.

Традиционный календарь белорусов и других славянских народов свидетельствует о том, что разжигание костров было приурочено к различным обрядам, однако календарное время его ежегодной актуализации было ограничено: начиналось оно ранневесенними событиями, на *Масленицу*, и заканчивалось на *Купалье*. Реже костры жгли на *Коляды*, то есть накануне Нового года и Рождества.

Костры жгли в большие годовые праздники: на *Громницы*, *Благовещение*, *Юрье*, *Троицу*, *Петров день*. Особенно популярными в XIX – начале XX в. были костры, возжигаемые на *Страстной неделе* и в *Пасхальную ночь*. Т. И. Прибаловец, жительница д. Тонеж Лельчицкого района рассказывала, что пасхальные костры жгли на улице возле каждого дома в течение всей ночи, при этом и в самом доме никогда не гасили свет до утра. В д. Тонеж обязательно жгли костер в день «гукання вясны». При этом в двух соседних домах делали главные атрибуты обряда – чучело зимы и украшенное бумажными цветами «деревце». Костер разводили на самом высоком месте за деревней, здесь же рос и дуб, на который в конце празднества мальчик водружал это самое деревце.

Следовательно, возжигание костров соотносилось с самой активной фазой солнечного воздействия на землю и, соответственно, с подготовительным и ответственным периодом зарождения нового урожая в сельскохозяйственном цикле славянского земледелия. Что дало основания Т. А. Агапкиной высказать предположение о том, что *день* (и, соответственно,

праздник) *возжигания огня* являлся *главным или ключевым в традиционном календаре данного региона.*

В наших исследованиях мы не раз структурировали основные календарные и семейно-обрядовые комплексы. Оказалось, что практически в каждом из них наличествует предмет, который оказывается в центре сакрального пространства и вокруг которого зачастую развиваются основные обрядовые действия. Например, в семейно-родовой обрядности в качестве ключевого атрибута обязательно присутствует зерно, живое или сваренное, перетертое в муку.

Так, обряд, посвященный рождению и имянаречению ребенка, заканчивался угощением всех участников застолья «бабінай кашай»; кутьей-кашей начинается поминание умершего; в завершении свадебного торжества главное место занимает каравай, который сваты делят между всеми участниками обряда. Таким образом, главная обрядовая еда, приготовленная из зерна, уничтожается путем деления его между всеми участниками.

Та же судьба постигнет специально приготовленные атрибуты и в контексте календарных событий. Разница состоит только во времени приготовления и его уничтожения. После недельного празднования *Масленицы* чучело, которое олицетворяло холод, а потому бескормицу, жгли на костре или разрывали и разбрасывали по полям. Ветки березы, клена, дуба, которыми украшали подворья и дома на Семушно-Русальной неделе, сжигали на купальских кострах. А вот ветки вербы, освященной в *Вербное воскресенье*, сжигали ровно через год, в субботу, накануне следующей *Вербницы*. Купальские венки – обязательный атрибут летнего праздника, который плели и в этот же день сплавляли по реке незамужние девушки в поисках ответа о замужестве. Удивительно неординарный вариант отношения к купальским венкам был зафиксирован нами в Браславском районе. Местная жительница каждый год плела на *Купалье* по несколько венков. Один из них (по ее словам – самый красивый) она засушивала и складывала в специальную корзину. При этом предупредила своих детей и внуков: когда умру, выберите самый красивый из сохранившихся к этому времени венков и положите мне под голову в гроб. Остальные венки сожгите. В этом случае купальские венки существовали значи-

тельно дольше одного календарного года, однако их конечная судьба оказалась такой же – их уничтожили.

Среди всех *обрядовых атрибутов* особое место принадлежало *костру*. Чтобы понять его глубинную сущность, приуроченность к календарным обрядовым практикам, спектр функций и технологию приготовления, необходимо рассмотреть каждую из этих составляющих в отдельности.

Исключительный интерес представляет приготовление ритуального костра в д. Верхолесье Кобринского района. Его разводили неподалеку от озера, право разжечь ритуальный огонь предоставляли самому старшему мужчине деревни.

В костер бросали Троицкий «май», вещи больных или умерших людей. Местные жители рассказывали: если за 40 дней перед *Купальем* под кровать тяжело больного человека положить небольшие кругляши или плашки из осины, то они «вытянут» на себя болезнь, а потом их следует обязательно сжечь в костре.

Исследователи традиционной культуры, как правило, опираясь на сведения о том, какие предметы сжигали в ритуальных кострах, пришли к выводу, что костры имели прежде всего апотропейный, очистительный характер. *Однако, на наш взгляд, ритуальные костры призваны были выполнять функцию преобразования мира в ареале его актуализации.* Мир, исчерпавший время активного бытия, должен был уступить место новому. Все маркеры прошлого (старые веники, изношенные лапти, бороны, домашняя утварь) должны быть уничтожены.

Но возникает вопрос: наш крестьянин был человеком рационально мыслящим и ничего просто так не делал. Что мешало ту же подгнившую борону или колесо от телеги сжечь в своей печи, чтобы обогреть собственный дом. Нет, обычай требовал снести все устаревшее в одно ритуальное место и уничтожить при всем стечении народа.

Напрашивается интересная параллель. День зимнего солнцестояния промаркирован в традиционном календаре праздником *Коляды*, основные условия встречи которого предполагают: отдать долги, накрыть щедрый стол, одеться в светлое, новое, то есть праздничное, а значит, не будничное; за столом должны присутствовать все домочадцы (никого постороннего не пуска-

ли). Все эти факторы должны были стать проекцией семейного благосостояния на будущий год и гарантией того, что он будет прожит в таком же составе, то есть семья замыкала пространство своего бытия от постороннего воздействия.

День летнего солнцестояния отмечен празднованием *Купалья*. Чтобы разжечь купальский костер, жители должны были покинуть обжитое пространство своего дома и собраться на берегу реки или озера, иногда просто в поле. И тремя замкнутыми кругами отгораживались или защищались от происков нечистой силы в ночное время. При этом дети и молодежь составляли внутренний круг – ближе к костру (самое защищенное место), среднее поколение образовывало второе кольцо, а самые старшие представители социума замыкали пространство между костром и «тьмой ночи» (на пограничье с нечистой силой). Они-то знали тайны защиты от внешних сил. А те из жителей деревни, которые не приходили к ночному костру, считалось, вступали в сговор с нечистой силой, которая в это же время устраивала шабаш ведьм на Лысой горе. Значит, *Коляды*, праздник, создающий новое пространство вокруг семьи, а *Купалье* – вокруг всего местного социума.

И снова возникает вопрос. Если в масленичный или купальский костер жители деревни могли бросать одежду больных или умерших родственников, то можно ли было в таком случае прыгать через этот костер, ходить по углям этого костра босыми ногами и тем более приносить угольки из костра домой? Вероятно, следует рассматривать два варианта ритуального костра. Если «живой» огонь добывали путем длительного трения, а затем уже им поджигали ритуальный костер, то именно из такого костра собирали угли, которые в течение года использовали в народной медицине, в том числе и для лечения детского испуга. А для сжигания отслуживших свое предметов быта или вещей больных, умерших людей разводили другой костер. Либо вещи сжигали в самом конце ночных гуляний, когда все жители уже «разобрали» фрагменты костра для своих хозяйственных и целительных нужд.

Для подтверждения наших сомнений приведем еще одну параллель. В свадебном ритуале выпекали главный атрибут – каравай, который оберегали как зеницу ока и делили только

в конце свадебного торжества. А вот для встречи молодых перед порогом родного дома выпекали другой каравай, называемый в народе «хлеб-соль». В пространстве похоронно-поминальной обрядности в центре внимания оказывалось два комплекта одежды. С одной стороны, ту одежду, в которой человек умер, следовало сжечь после похорон, а вот в мир предков умершего одевали в новые одежды (перед этим многие старались освятить ее, один раз сходить в ней на церковный молебен).

Таким образом, профанный и сакральный мир атрибутов обязательно разводили и по координатам пространства и по оси времени.

В традиционной славянской культуре практически невозможно вычленить тот праздник, который можно было бы позиционировать как самый главный в годовом цикле. Когда мы говорим о ключевом характере праздника, то имеется в виду его статусное положение, которое указывает на знаковую роль в логической цепочке календарной последовательности. Этот праздник коренным образом изменяет направленность общего хода событий, сезонный или календарный излом, смену в сельскохозяйственном или ином цикле жизнедеятельности социума.

А потому напрашивается вывод о том, что тот праздник, в составе которого обязательным компонентом выступает костер, является ключевым в системе традиционного или христианского календарей.

ФОРМИРОВАНИЕ МОРАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ КОМПАРАТИВИСТИКИ

А. Н. Кошербаева,

доктор педагогических наук, профессор Казахского национального педагогического университета имени Абая (Казахстан)

Уникальность диалога культур на протяжении всей истории развития человечества способствовала пробуждению интереса